

Столетие
революции
или
переворота?

© И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ,
доктор филологических наук

В статье обсуждается вопрос о том, что у многих слов план содержания состоит из «объективной» части, отражающей стоящую за словом действительность, и части «субъективной», выражающей отношение автора к этой действительности, нравится ли она ему или не нравится. В русской коммуникативной традиции это различие, равно как и точное осмысление характеристик стоящей за словом действительности, не всегда занимает достойное место.

Ключевые слова: значение слова, компонентный анализ, оценка, действительность, смысл.

DOI: 10.7868/S0131611718030152

Dealing with the meaning of words *революция* и *переворот* in Russian discourse which are so popular because of century of October events in Russia the author rises some important linguistic questions.

Content of words can have objective part (What is the matter) and subjunctive one («good or bad» and different connotations). All these parts should be shown as a bundle of distinctive features, having in mind changeability of these features, particularly subjunctive ones. The author thinks that Russian communicative tradition is much more careful to formal demands, than to semantic accuracy.

Keywords: Russian discourse, reality, semantics, component analysis, estimation, connotation.

1

Отмечая столетие тех событий, которые происходили в России в 1917 году, современный дискурс, причем не только политический, использует для их обозначения слова *революция* и *переворот*. Нетрудно видеть, что слово *переворот* как обозначение соответствующих событий, представляет собой отрицательную оценку этих событий. Слово *революция* по отношению к этим событиям в современном дискурсе обладает еще некоторым пафосным положительным компонентом, который в нем присутствовал в русском языке XX веке, хотя и в меньшей степени.

Помня, что историю всегда пишут победители, обратимся к стихам С.Я. Маршак: «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе». *Мятежом*, как известно из истории КПСС, именовали *кронштадтский мятеж* по отношению к событиям на Балтике 1921 года, заставившим власть изменить экономическую политику, или *чехословацкий мятеж* по отношению к выступлениям чехов и словаков, оказавшимся в русском плену и отправленных на родину через Дальний Восток в 1918 году. Зато выступления против царской власти принято было называть *восстаниями*: *под водительством Емельяна Пугачева* (ср. у А.С. Пушкина *бунт*), *московское 1905 года, декабристов*, на *броненосце «Потемкин»* ... Иными словами, *восстание, революция* это «хорошо», а *переворот, мятеж, бунт* — это «плохо». Наивно (или небескорыстно?) забывая, что любая *оценка* вещь субъективная, коммуниканты часто не учитывают, что обычно в слове содержится еще и некоторая сущностная сторона, и именно она получает соответствующую оценку, добавляя таким образом к сути дела авторское «и это мне нравится» или «и это мне не нравится». Слов, представляющих собой только оценку, очень мало: *хорошо/плохо* с разнообразными модификациями по шкале, чаще в сторону увеличения: *отлично, замечательно, превосходно, чудесно, великолепно, блестяще* и т.п. vs *отвратительно, гнусно, мерзко, гадко* и т.п. Их употребление, как

правило, не сопровождается указанием на источник (обладатель) соответствующего мнения и тем самым более невнятно, чем *Мне (sic!) нравится (не нравится)*. Обычно же оценка представлена «в одном флаконе» с обозначением некоей сущности: «стремящийся избегать неприятностей» – *осторожный* (и это, видимо, «хорошо») и *трусливый* (и это, конечно же, «плохо»); «легко отдающий то, что имеет» – *щедрый* (и это «хорошо») и *расточительный, мот, разбазаривает* (и во всех этих словах разных частей речи представлено еще и «это плохо»); «человек, занимающийся выведыванием чужих секретов» – *разведчик* (и это «хорошо», поскольку он действует против наших врагов) и *шпион* (и это «плохо», поскольку он действует в интересах наших врагов (Модное сейчас словосочетание *иностранный агент* предполагает не исключительно выведывание секретов, но любые действия в иностранных интересах); «неизменное состояние» – *стабильность* (и это «хорошо») и *застой* (и это «плохо») и т.д. и т.п.

В дискурсе советского времени слова *революция* (и *восстание*) обрастали разнообразными «положительными» контекстами от названий улиц и площадей до популярных шлягеров и кинобоевиков. А между тем у слова *революция* есть не только меняющийся оценочный и ассоциативный компоненты, но и некоторое сущностное содержание, суть которого сводится к «коренному изменению сложившегося порядка вещей». Это «коренное изменение», что крайне важно, не выступает в слове *революция* как изолированный феномен, но относится ко *всему*, растущему из такого «корня». Напомню слова А.С. Грибоедова о восстании (sic!) декабристов: «Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт России». При этом такое коренное изменение может относиться не только к социальному устройству общества, т.е. к тому базису, на котором стоит общество, но и к самым различным сторонам жизни этого общества. Например, *сексуальная революция* как коренное изменение представления об отношениях полов и все вытекающие отсюда следствия, *зеленая революция* как коренное изменение способов получения самых разнообразных продуктов питания, *революция в быту* как коренное изменение домашней работы, связанное с внедрением бытовой техники, химии, способов приготовления пищи и т.п., *революция в науке*, связанная с коренным изменением представлений об объекте науки (коперниковская – в астрономии, эйнштейновская – в физике, открытия в области генетики – в биологии и т.п.), а также о месте, задачах и методах такой науки.

При этом *революция* обозначает изменения не только коренные и последовательные, но и неконтролируемые, осуществляемые как бы сами по себе, похоже на камень, катящийся с горы, на явление природы (гроза, ураган, метель и т.п.), на действия толпы (паника, утрата чувства опасности и ответственности и т.п.). Даже для революций в сельском хозяйстве, науке или быту не требуется ни «исторических решений» директивных

органов, ни административного ресурса, они действуют самостоятельно и неумолимо.

Итак, *революция* это «изменение 1) коренное, 2) всеобъемлющее и 3) неконтролируемое».

Параметр «контролируемость» — «неконтролируемость» широко представлен в русском языке: *намеренно, специально, нарочно — случайно, лег — упал, сказал — проговорился, вылечить — выздороветь, самоубийство, убийство — несчастный случай* и т.д. В то же время во многих контекстах невозможно определить, было ли некоторое действие целенаправленным или случайным: *Я встретил ее на вокзале, Гусар загремел шпорами* и, например, у А.С. Грибоедова *«Шел в комнату, попал в другую. — Попал или хотел попасть?»* Противопоставленным *революции* по параметру «контролируемость» выступает слово *реформа/реформы*. Однако последнее в дискурсе конца прошлого — начале нынешнего века потеряло значение «коренное», обозначая всякие, любые изменения обычно в какой-нибудь достаточно узкой сфере, хотя на фоне *реформа в образовании (ЖКХ, атомной промышленности* и т.п.) существуют и *экономические реформы, реформы в управлении*. Подобное же «повышение в ранге» без достаточных на то оснований мы часто встречаем в оценке тех или иных деятелей, групп лиц, созданных ими объектов: *гениальный ученый, эпохальные достижения, величайшие произведения* и т.д. и т.п.

Очевидно, что события столетней давности в России оказались возможными именно потому, что тогдашняя власть своевременно не провела (не смогла, не захотела?) необходимые реформы, потеряла рычаги управления и в конце концов бесславно погибла, за что потребовалось заплатить колоссальными человеческими жертвами, причем результаты оказались вовсе не оптимальными.

В то же время и слово *переворот* по отношению к событиям 1917 года в России никак не адекватно этим событиям потому, что оно обозначает отнюдь не «коренные всеобъемлющие изменения», а лишь верхушечную смену власти. Такую смену, которая приводит одних людей вместо других. А это может быть и началом *реформ*, и возможностью *революции*. Вспомним хотя бы изменения в структуре и персональном составе власти в период февраля — октября 1917 года да и позже. Близким по значению к *переворот* выступают слова *путч* и *заговор*, в последнем акцентируются компоненты «тайно» и «с участием отдельных представителей самой власти».

Впрочем, *переворот* и *заговор* еще и акцентируют нелегитимность совершающих изменений, что в силу принципиальной «неконтролируемости» *революции* к последней вообще не имеет отношения. Как кажется, противопоставление слов *революция* и *переворот* состоит в том, что у последнего ослаблен компонент «коренной» и отсутствует компонент «всеобъемлющий» при сохранении базовой с *революция* общности

«изменение». Именно такая трактовка делает осмысленными и словосочетания *переворот в быту*, *переворот в науке*, где «коренной характер изменений», если и сохраняется, то вопрос о последствиях и глубине таких изменений не ставится вообще (см. выше) (Обсуждение сомнительности **сексуальный переворот* или **зеленый переворот* лишь переводит в другую плоскость вопрос о несоответствии между сочетаемостью смыслов и сочетаемостью слов).

Столетие, прошедшее после 1917 года, убеждает говорящих по-русски, по крайней мере, в двух вещах. Во-первых, называть события столетней давности *переворотом* совершенно невозможно потому, что изменения, которые последовали, были не только коренными, но и всеобъемлющими, а сам процесс был явно неподконтрольным. Слово *переворот*, обозначающая коренное изменение, не указывает на его всеобъемлющий и неконтролируемый характер, хотя и подчеркивает нелегитимность произошедшего. Во-вторых, слово *революция*, точно отражая суть дела, абсолютно несправедливо и неразумно получило в русском языке XX века положительную пафосную окраску. Называемые таким словом события следует оценивать нейтрально, понимая, что в них присутствуют как положительные, так и отрицательные моменты, а постановка вопроса об их возможном балансе уже снимает сам вопрос о безоговорочной положительной оценке. Тем более пафосной. Добавлю, что революция и даже подготовка к ней – свидетельство «плохой» власти, ее неспособности разумно ответить на те процессы, которые происходят в обществе, неумение найти другие, более эффективные и менее разрушительные и кровавые ответы на возникающие вопросы.

2

Осмелюсь предположить, что обсуждавшиеся выше вопросы именованная существенны не только для событий столетней давности. В предложенном обсуждении просвечивают общие и важные вопросы состояния русского дискурса XXI века. Назову эти вопросы.

1. Оценка как проявление субъективности.

Очевидно, что слова могут называть самые разные сущности, как объективно «хорошие» (*здоровье*, *богатство*, например), так и «плохие» (*болезнь*, *бедность*). Многие именованья бесстрастны (*дерево*, *зеленый*, *спать* и мн. др.). Но однако есть и такие, которые сообщают не только о «положении дел», но и вносят в эту информацию собственную субъективную оценку, положительную или отрицательную (см. выше). К сожалению, оценочный аспект, присутствующий в значении многих слов, не воспринимается именно как таковой многими говорящими по-русски. Этот аспект, будучи не всегда внятно мотивированным, способен затемнять в сознании читателя, слушателя / пишущего,

говорящего самое суть дела. Отмечу, что в последние десятилетия оценочный компонент во многих важных словах изменился. Так, например, утратилась отрицательная оценка называемого в словах *бизнесмен* и *карьера*, появилась положительная в словах *волонтер* и *благотворительность*. Однако принципиальное различие между сущностью называемого и оценочной позицией участника коммуникации не стало неременным условием речевого общения. Этим совсем не занимаются в школьном преподавании, очень мало говорят в разнообразных научно-популярных выступлениях о русском языке.

2. *Умение разложить содержательную сторону слов на составляющие ее элементы.*

Существование объективных и субъективных аспектов в содержательной стороне слова лишь подчеркивает относительную простоту оценочного компонента («хорошо» — «плохо») и исключительно сложную и разнообразную по составу элементов структуру объективного компонента. Определения, составляющие правую часть статей в толковых словарях русского языка, далеко не всегда объясняют заглавное слово словарной статьи через более простое, но предлагают в качестве объяснения либо еще более сложное, либо столь же сложное, выступающее как синонимический ряд. В школе не объясняют, что слова *сын* и *дочь* различаются по признаку «пол» точно таким же образом, как *студент* и *студентка*, *англичанин* — *англичанка*, *москвич* — *москвичка*. И отличаются от противопоставления *учитель* — *учительница*, *поэт* — *поэтесса*, *кондуктор* — *кондукторша*, где вторые члены пар обозначают лиц женского пола (как *дочь*), а первые — ничего не сообщают о поле лица (в отличие от *сын*!). Не объясняют также, что *летать* отличается от *лететь* по параметру «направление»: «в определенную сторону» в последнем случае и «в самых разных направлениях» — в первом. А *летать* отличается от *плавать* по параметру «среда перемещения» («воздух» vs «жидкость»), а по параметру «направление» они ничем не отличаются и т.д. и т.п. И те, кто работает со словом (профессионально, как журналисты и писатели, и непрофессионально), при выборе того или иного слова апеллируют не к строгим процедурам, а полагаются на собственный вкус. Иначе, не разлагают план содержания слова на различные аспекты, не представляют каждый из них в форме набора организованных простых элементов, а следовательно, не могут точно определить, на какой же именно элемент (элементы) отличаются друг от друга возникающие в сознании слова. Не затрудняют себя подобным «разложением на части» и читатели/слушатели.

3. *Умение соотносить слово с обозначаемой им реальностью.*

Совершенно очевидно, что событие, определившее вектор (sic!) существования и развития общества на семь десятилетий, не может называться *переворотом*. *Переворотом* можно назвать убийство Павла I или отстранение от власти Н.С. Хрущева, события, разумеется, не оставшиеся без

последствий, но не обозначавшие коренных, всеобъемлющих изменений в жизни страны.

Точно так же нельзя совмещать с пафосным восторгом обозначение событий, приведших к страданиям и гибели миллионов людей в результате голода, болезней и тем более братоубийства. Еще труднее разделить такой восторг, объективно оценивая все последствия, вызванные движением в избранном направлении. Так что 1917 год в России – это *революция*, однако без всякой положительной оценки, как всякое неконтролируемое событие, изначально вызванное действиями одних сознательными или случайными, и/или бездействием других, как *пожар (поджог?)*, *несчастный случай (убийство?)*, *обрушение (разрушение?)*.

В русском языке по отношению к *революция* (без оценки!) нет слов, содержащих какую-либо оценку. Оценка может быть достигнута за счет более или менее удачных оценочных определений: *справедливая, долгожданная, неизбежная vs кровавая, трагическая, безумная*.

3

На нежелание соотносить слова с реальной действительностью указывал в своей лекции «О русском уме», прочитанной 20 мая 1918 года в Петрограде, наш великий соотечественник, Нобелевский лауреат Иван Петрович Павлов. Он говорил: «Русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует... Русская мысль... нисколько не проверяет смысла слов, не идет за кулисы слова, не любит смотреть на подлинную действительность... Мы занимаемся коллекционированием слов, а не изучением жизни» (Цитирую по изданию Иван Павлов «Рефлекс свободы». СПб., 2001. С. 107–125). За прошедшие 100 лет едва ли эти мысли потеряли свою актуальность. Предметом внимания и для специалистов по русскому языку, и для широкой общественности почти исключительно остается формальная сторона языковых знаков. Правила орфографии и пунктуации, место ударения, правила произношения – вот что занимает нас прежде всего. *Барсетка* или *борсетка*, *КислОвский* переулок или *КИСловский*, *прецедент* или *прецендент*? Весь круг таких вопросов вполне правомерен, поскольку разницей в оформлении речи мешает коммуникантам сосредоточиться на главном в любом речевом акте, на *смысле*, а, следовательно, такой разницей как возможная помеха должен быть минимизирован. Ради чего? Повторюсь, ради смысла. Но устранение помех для восприятия еще не гарантирует точности самого этого восприятия. Для этого существуют свои принципы (многоаспектность смысловой стороны слова) и методы (разложение разных аспектов этой смысловой стороны на элементарные составляющие).

Кто виноват в том, что болезнь, диагноз которой был поставлен И.П. Павловым 100 лет назад, остается неизлеченной? Власть, заинтересованная

в возможности манипулирования общественным мнением? Общество, не осознавшее важности обсуждаемого вопроса? Затрудняясь исчерпывающе ответить на этот вопрос, утверждаю, однако, что тяжелая ответственность лежит на всем нашем профессиональном сообществе.

Конечно же, вопрос «кто виноват?» ценен лишь в той мере, в какой он приближает нас к ответу на вопрос «что делать?» В качестве небольшого шага к ответу на этот вопрос выступает понимание языка как далеко не идеального средства для обозначения как самой реальной действительности, так и субъективного отношения к ней. В любом языке существуют и дублетные, ничем не различающиеся по смыслу обозначения (*бегемот — гиппопотам*), и лакуны (1 лицо от будущего времени от *победить*). Логически неоправданные словосочетания (*несколько раз крикнул*), и необъяснимые запреты («высокая степень» — *уважение большое* или *глубокое*, но *тьма кромешная* или *египетская*). При этом не подлежит сомнению ни то, что кроме языка у нас нет никакой другой возможности внятно воплотить свою мысль, ни то, что русский язык обладает весьма высокой способностью к такому воплощению. Однако естественное стремление любого разумного человека к тому, «чтобы слово так облекало мысль, будто бы это одно и то же», наталкивается не только на несовершенство нашего владения родным языком, но и на объективные асимметричные отношения между языком и действительностью. Об этом тоже предупреждал И.П. Павлов в том же выступлении: «Мы не знаем действительности... Если я действительности не вижу, как же я могу ей соответствовать?... Нам надо отчетливо сознавать, что мы такое... Если я родился с сердечным пороком и этого не знаю, то я начну вести себя как здоровый человек и это вскоре даст себя знать. Я окончу свою жизнь очень рано и трагически. Если же я буду испытан врачом, который скажет, что вот у вас порок сердца, но если вы будете к этому приспосабливаться, то вы сможете прожить и до 50 лет. Значит, всегда полезно знать, кто я такой».

МГУ им. М.В. Ломоносова

Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 17-04-00053.